

Библиотека Сильвестра

(XVI век)

Изучение древнерусских частных библиотек — их происхождения, состава и исторической судьбы — является одной из важнейших проблем истории просвещения в древней Руси¹. Изучение это сталкивается с самого начала со значительными трудностями выявления материала исследования. Если до нашего времени сохранились некоторые средневековые русские монастырские библиотеки или их описи и каталоги, то состав древнерусских частных библиотек приходится восстанавливать иногда гипотетически, иногда по их сохранившимся остаткам, чаще всего в тех же монастырских библиотеках.

Попытка гипотетического восстановления частной русской библиотеки XIII в. была предпринята в свое время А. И. Соболевским². Недавно она была повторена В. С. Голышенко, которой привлечен обширный круг литературы вопроса³. Статья В. С. Голышенко написана на основании тщательного палеографического и лингвистического анализа двух рукописных книг; ее выводы подтверждают предположение А. И. Соболевского о составе существовавшей в XIII в. в Ростове частной библиотеки. Однако В. С. Голышенко вполне основательно предполагает,

¹ См.: Н. Н. Розов. Некоторые проблемы истории книги и библиотечного дела в древней Руси. «Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. X (13). Л., 1962, стр. 153—160.

² А. И. Соболевский. Остатки библиотеки XIII в. «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии», XII. — Сб. ОРЯС, СПб., т. 88, № 3, стр. 205—207.

³ В. С. Голышенко. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. «Исследования по лингвистическому источниковедению», М., 1963, стр. 45—64.

что владельцем некоторых книг этой библиотеки мог быть не только епископ Кирилл, но и его современник — ростовский князь Константин Всеволодович.

Задача автора предлагаемой статьи несравнимо легче, чем те, что стояли перед двумя названными исследователями. В его распоряжении находится свыше двух десятков книг, принадлежность которых библиотеке известного политического деятеля XVI в. подтверждается документально. Затруднение состоит лишь в том, что биография ее владельца — личности, уже свыше полутора десятков лет привлекающей пристальное внимание историков, — до сих пор еще почти совершенно неизвестна.

Сведения о жизни и деятельности священника кремлевского Благовещенского собора Сильвестра, которому в литературе иногда присваивается сан протопопа и должность царского духовника (ни тем ни другим он не был), восходят к современным ему источникам, но источникам в высшей степени тенденциозным. Таковыми являются и официальная Царственная книга, и официозная переписка Ивана Грозного с князем А. М. Курбским, и, наконец, тенденциознейшая «История о великом князе Московском» А. М. Курбского. Эти три источника в основном и используются историками, начиная от Н. М. Карамзина и кончая современными, советскими. Однако, если эти источники, наряду с сохранившимися сочинениями самого Сильвестра, дают историкам обильный материал для суждений и споров о характере его политической деятельности, то для биографии Сильвестра они дают лишь самые краткие сведения. Остаются неизвестными годы рождения и смерти Сильвестра, спорны сведения о последних годах его жизни, неизвестно точно даже, где он умер и похоронен. Всем этим следует, вероятно, объяснить то обстоятельство, что наряду с огромным количеством написанного о деятельности Сильвестра, имеется лишь одна попытка воссоздать его биографию — попытка почти столетней давности, на которую ссылаются все историки, вплоть до современных⁴. Политическая деятельность Сильвестра, его силь-

⁴ Д. П. Голохвастов и архимандрит Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. — ЧОИДР. М., 1874, кн. 1. Из современных советских историков специальные главы в своих книгах посвятили Сильвестру: И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства в 30—50-х годах XVI века. М.—Л., 1958, стр. 231—257; А. А. Зимин.

ное влияние на политику Ивана Грозного относятся к концу 40-х и к 50-м годам XVI в. Из точных дат признается только одна — удаление его от государственных дел и пострижение в монахи в 1560 г.

Самая ранняя из известных в настоящее время вкладных записей на книгах с именем Сильвестра относится к 1546 г.: «Лѣта 7384 дал в дом стѣи живоначалнѣи Троици во Александровѣ пѣстыню. стѣю сѣю книгѣ. благовѣщенскои попѣ Селивестрѣ и сын его Анѣим в вѣчнои поминокѣ по себѣ и по своѣх родителехъ» (ГБЛ, ф. 299, № 629, л. 2 об.).

В 1552 г. Сильвестр пожертвовал несколько книг в Соловецкий монастырь, сделав на каждой из них единообразную запись:

«Лѣта 7060-го сѣю стѣю великѣю книгѣ Иеванъеле в дом бѣоглѣпнаг Превображеннѣа гѣ бѣа и сѣса нѣшег Иса Ха и пречистои бѣцы и прподобных чюдотворец Изосимы и Саватиа дал блговѣщенскои сѣщенникѣ Селивестрѣ да снѣ его Анѣим. А доколе ѡнѣ живы ино за них бѣа молити, а бѣгѣ пошлет по дѣшѣ ино из поминати ꙗ из род в Сенаникѣ написати» (ГПБ, Солов. № 130, л. 4 об.). Почти то же самое написано на другом, Толковом ев.; названо оно «Четыре иеванелисты», в последней фразе переставлены слова: «. . . ино из поминати — написати их и ихъ родъ в Сенаникѣ» (ГПБ, Солов. № 159, л. 1). С таким же вариантом конца сделаны записи в Златоструе (Солов. № 259) и Псалтири (Солов. № 761/871). Несколько короче концовка у вкладной на Толковой псалтири: «. . . да снѣ Анѣим по себѣ и по своѣх родителехъ. А доколе ѡнѣ живы ино за них бѣа молити» (Солов. № 1039/1148, л. 17 об.).

Сохранилась еще одна книга — Козмы Индикоплова — со вкладной Сильвестра в Соловецкий монастырь: «Сѣю книгѣ дал старецъ Спиридон да снѣ его Ѡнѣим в дом всемлстивому сѣсѣ на Соловки» (ГПБ, F IV № 683; книга поступила в библиотеку в собрании П. Д. Богданова). Вкладные Сильвестра на книгах, пожертвованных им в Соловецкий монастырь, отразили два контрастные периода его жизни, с чем связаны их формы и объем. Вкладные на первых пяти книгах сделаны в тот период,

И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 41—70. — В последней работе приводятся сведения о книгах Сильвестра в различных монастырских библиотеках.

когда он находился в зените славы и влияния. Они сделаны в развернутой форме, написаны языком и почерком, близким к актам и грамотам того времени, — размашистой скорописью твердой руки, с большим количеством росчерков, титл и выносных букв. Последняя же запись сделана кратко, видимо, слабеющей рукой опального старца, но характерной и довольно четкой скорописью.

Записи и пометы библиотекарей на книгах, пожертвованных Сильвестром, отражают отношение соловецких монахов к ним и их вкладчику в последующее столетие.

Во вкладной на Псалтири над именем Сильвестра сделана помета: «во иноцѣхъ Свиридон». Она могла быть сделана вскоре после опалы и пострижения Сильвестра в Кирилло-Белозерском монастыре, о чем до Соловков дошли сначала смутные слухи; этим можно объяснить искажение нового, монашеского имени Сильвестра в библиотечной помете («Свиридон» вместо «Спиридон»). В Толковой псалтири такого искажения уже нет; на ней сделано (разными почерками) три библиотечных пометы: «Селивестръ», «Да сн̄ь его Анеим» и «Во иноцехъ Спиридон». В Златоуструе библиотекарь отметил только родственное отношение вкладчиков этой книги: «Селивестръ Анеим Селивестров сн̄ь» (Солов. № 259, лл. 14—16). На Евангелии (№ 130) и на книге Козмы Индикоплова отмечено лишь, что они «старые», а на одной книге есть такая библиотечная запись XVII в.: «Казенное Евангелие толъковое воскресное. Хъто писалъ — изрядной ты мастер» (Солов. № 159, л. 337 об.). В это же время на другом Толковом ев. (Солов. № 160) была сделана следующая запись: «Евангелие дачи старца Селивестра да сна иво Анеима». Запись эта могла быть сделана при переплетении книги, когда был утрачен ее первый лист (на книгах того же, листового, формата — Толковом ев. № 159 и Златоуструе — вкладные Сильвестра сделаны на первых листах).

Четыре последних примера показывают, как постепенно, но довольно быстро стало забываться на Соловках имя некогда знаменитого вкладчика: для трех библиотекарей оно уже ничего не говорило, а в памяти четвертого сохранилось монашеское звание Сильвестра (он назвал его «старцем»), но изгладилось его монашеское имя ⁵.

⁵ См.: «Описание рукописей Соловецкого монастыря», ч. 1, Казань, 1881, стр. 9. — К книгам Сильвестра относится еще одна —

К 1556 г. относится еще один известный вклад Сильвестра в Чудов монастырь, куда он пожертвовал Книгу бесед Иоанна Златоуста на евангелие от Иоанна со следующей записью: «Лѣта 7064 го дал в дом прѣстои бци чѣстнаго еа блговѣщеніа и великаго архистратига Михаила чѣстнаго его чюдеси и великаго чюдотворца Алексіа митрополита кѣвѣскаго и всеа Роусіи блговѣщенской поп Селивестр книгоу сію половиною бесѣды по себѣ и по своиѣх родителѣх. А которыи архимандрит сію книгоу изо ѡбители себѣ похочет взать или ѡдати или продати, или кто похочетъ насиліемъ вѣсхытити да соудитса со мною пред бгомъ» (ГИМ, Чуд. № 188, л. 1—7).

Больше всего книг Сильвестра сохранилось в Кирилло-Белозерском монастыре, библиотека которого, так же как и Соловецкая, хранится в настоящее время в ГПБ.

Сильвестр удалился в Кириллов монастырь в 1560 г. и постригся там добровольно; никаких сведений, противоречащих этому, неизвестно, хотя ссылка в монастыри и принудительное пострижение были в те времена широко распространены. Обосновывался он там, очевидно, обстоятельно, намереваясь окончить в Кириллове и дни свои. Часть своего имущества, в том числе книги, он скорее всего привез с собою, некоторые книги высылались ему потом из Москвы Анфимом. Все это подтверждается записями и пометами на многих книгах Кирилло-Белозерской библиотеки. Среди них есть книги, подаренные Сильвестру Иваном Грозным, о чем свидетельствует запись: «Книга гдѣрское дание Псалтырь толковая блговѣщенского попа Селиверста, во иноцехъ Спиридона, и сна его Анѣима —

Псалтырь (№ 738). Об этом свидетельствуют две скорописные записи XVII в. в конце книги. Однако в одной из них прямо сказано, что это не тот Сильвестр: «Книга Соловецкого монастыря казенная, дачи священника Селивестра Соловецкого ж монастыря» (в последних словах подчеркивается, что вкладчик этой книги принадлежал к братии или клиру того же Соловецкого монастыря).

В указанной выше работе Голохвастова и Леонида названы еще две книги, якобы пожертвованные Сильвестром в Соловецкий монастырь, — Евангелие (№ 760) и Псалтырь (№ 161). Указание это ошибочно, даже если считать, что в нем перепутаны номера: в Соловецкой библиотеке под № 760 стоит Псалтырь с пометой «Исаковская казенная», а под № 161 — Евангелие «дачи каргопольца Андрея Зорина».

толкование ираклииское» (ГПБ, Кир.-Белоз. № 6/131, л. 1) ⁶. Как на всех книгах, пожертвованных Сильвестром в Соловецкий монастырь, запись эта повторена (кроме двух последних слов) еще на трех книгах — Маргарите (ГПБ, Кир.-Белоз. № 112/237), Лествице (Кир.-Белоз. № 35/160) и Книге пророков (Кир.-Белоз. № 4/9) ⁷. На другой Лествице (Кир.-Белоз. № 53/178) другим почерком сделана такая запись: «Сію книгу прислал с Москвы Анеим к отцѣ своемѣ Селивестрѣ в Кирилов монастырь».

Находясь в Кирилло-Белозерском монастыре, Сильвестр не имел необходимости жертвовать в него книги, так как знал, что по монастырским уставам они после его смерти все равно перейдут в собственность монастыря. Однако странно, что он не делал в Кириллов монастырь книжных вкладов и в московский период, к которому относится его вклады в Соловецкий и Чудов монастыри. Лишь на одной книге Кирилло-Белозерской библиотеки есть запись о его вкладе, но не в монастырь, а в одно из принадлежавших последнему сел: «Книга Кирилова монастыря села Петровъсково — данье бл̄говѣщенсково попа Селивестра» (Кир.-Белоз. № 381/638). На этой книге, а также на Книге пророков «государева данія» есть еле заметные библиотечные пометы одной руки, одних и тех же жидких чернил — «из кельи». И если на книге из села Петровского такая помета не совсем ясна (раз этой книги не было в монастыре, то как она могла попасть в келью Сильвестра?), то вторая книга, действительно, могла быть взята из кельи владельца после его смерти или высылки на Соловки. Другой библиотекарь, может быть, старший по должности и более опытный (а в Кириллове монастыре, кроме «книгохранителей», были и «книгохранительные служебники», сменявшиеся гораздо чаще, как это видно из библиотечных описей), продолжил и уточнил аннотацию книги: к первой части записи — «Книга гс̄дрьское даанье Исус Навгин»

⁶ В статье Голохвастова и Леонида выражение «государево дание» объясняется совсем иначе — как титулование самого Сильвестра, «означает лишь почтение к вкладчику» (указ. соч., стр. 52, сноска). Однако вряд ли опального Сильвестра величали в Кириллове «государем»; да и остальные его книги обычно помечались кирилловскими библиотекарями просто «сильвестровскими».

⁷ Аналогичная запись есть и на Зерцале, хранящемся в настоящее время в ГПБ (Соф. № 1195, л. 2).

(вторая часть записи помещена внизу листа) другим почерком добавлено: «Да 4 црства туто ж». Ниже, еще одним почерком сделана помета «Кирилова мнстря», повторенная на нижних полях л. 1—3 (запись и пометы сделаны на первом, чистом листе). Так была «обработана» при поступлении в монастырскую библиотеку одна из книг Сильвестра.

На книге, попавшей впоследствии в Новгородскую Софийскую библиотеку (ГПБ, Соф. № 1195), кирилловские библиотекари стали было копировать запись Сильвестра, но потом зачеркнули написанное; кроме того, на первом листе дважды (разными почерками) отмечены название и формат книги («Зерцало в дѣствѣ, бумага мала») и кратко раскрыто ее содержание: «Тѣто ж повѣсть чюдна о нѣкоем старцы, Слово Антипатра еискпа Востромскаго на рождество стго пррка и предотеци крстителя господна Іванна». Кроме того, на обороте верхней доски переплета есть еще одна небрежная помета: «Из Селивестровских».

Любопытны помета и запись еще на одной книге: «Селиверстовская Потребник», — отметил один библиотекарь; «Иван сказал Михайлович, что тот потребникъ благовѣщенской», — записал выше другой (ГПБ, Кир.-Белоз. № 518/775). Последняя запись дала основание биографам Сильвестра предположить, что в ней имеется в виду знаменитый дьяк Висковатый, приехавший в Кириллов «для исполнения приговора над старцем»⁸. Хотя это предположение ничем не подтверждается, сама попытка кирилловских библиотекарей разузнать получше о происхождении книги очень характерна.

«Сильвестровскими» названы в библиотечных пометах еще многие книги Кирилло-Белозерской библиотеки самого разнообразного содержания. Среди них есть богослужебные, но большинство — «четьих книг».

Самой ценной из «сильвестровских» книг Кирилло-Белозерской библиотеки, несомненно, является знаменитый пергаменный Сильвестровский сборник начала XIV в., хранящийся в настоящее время в ЦГАДА — ф. 381 (Библиотека Синодальной типографии) № 53⁹. Библиотечные

⁸ ЧОИДР. М., 1874, кн. 1, стр. 52.

⁹ Сильвестровский сборник подробно, с анализом его состава, а также палеографических и языковых особенностей описан ака-

записи и пометы на этом сборнике отмечают его происхождение: «Сбѣрнк селиверстовской» и «Селиверстовской» (пометы XVI в. на первом листе), уточняют состав и свидетельствуют о принадлежности его к библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря: «Книга Црство з Дѣянїем тѣ же Бориса и Глѣба жи [тия]»; «Книга Кирилова мнѣстыра, а в неи в началѣ ѿ возвѣщенїи Ѹбїянїа Саѣла цря, а потом из псалмов Двѣдových пророчества ѿ Хрѣстѣ, а съ 24 листа писано Житїе Сѣмѣона Столпника и иных разных» (две эти записи сделаны в XVII в.). Это — одна из самых старых русских лицевых житийных книг; ее миниатюры привлекают постоянное внимание исследователей¹⁰. К сожалению, нет никаких сведений ни о времени и месте написания этой книги, ни о том, откуда и как эта ценнейшая для историка русского языка, палеографа и искусствоведа книга попала в библиотеку Сильвестра.

Неизвестно также, как попала к Сильвестру другая ценнейшая книга — греческая Псалтирь, переписанная Максимом Греком в 1545 г. в Твери по просьбе дьякона Вениамина, который и был ее первым владельцем (по листам идет его владельческая запись, сделанная им уже в сане архимандрита)¹¹. Никаких помет, кроме обычных

демиком А. С. Орловым (см.: «Библиотека московской Синодальной типографии», вып. I. Сборники. М., 1896, стр. 1—13). Из этой книги взяты приводимые ниже библиотечные записи и пометы.

¹⁰ См.: Д. В. А й н а л о в. Миниатюры Сказания о Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3.

¹¹ Книга в настоящее время находится в ГПБ (Соф. № 78), подробно описана А. С. Родосским, который считает ее принадлежавшей архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Вениамину (см.: «Христианское чтение», СПб., 1882, № 9—10, стр. 610). Тут явное недоразумение: единственный архимандрит с этим именем был в Кириллове в 1802—1809 гг., а помета сделана скорописью XVI в. Отыскать «архимандрита Вениамина» в XVI в. среди настоятелей других монастырей не удалось и остается высказать лишь одно предположение: архидьякон-ризничий (так назван Вениамин в приписке Максима Грека) мог получить сан архимандрита без поручения на управление монастырем.

В описании А. С. Родосского приводятся некоторые пометы, впоследствии утраченные (они были сделаны на подклейке переплета, исчезнувшей, вероятно, при реставрации). Среди них была помета: «Дати съ грамотка Благовещенскому попу Никите Емельянову сыну», подтверждающая принадлежность этой книги Сильвестру. На первом листе книги, между строк аннотации, написанной Евгением Болховитиновым, видны старые пометы: «Псалтирь греческая» и «Селиверстовская».

«Апостола греческой» и «Сильверстовская», нет и на другой греческой книге из библиотеки Сильвестра (ГПБ, Кир.-Белоз. № 120/125). Однако греческие книги не были случайными в его библиотеке: он знал, вероятно, греческий язык, что отразилось во вкладных записях. Так, например, на двух книгах, пожертвованных Сильвестром в Соловецкий монастырь, оригинально написаны слова «Теванъеле» и «иеванъелисты», что можно объяснить знанием греческого языка тем, кто их писал (он читал сочетание $\gamma\upsilon\lambda$ как *ньл* и дифтонг eu как *ие*). Грецизм обнаруживается и в написании «Исус Навгин» вместо «Навин», как было принято тогда писать и как написано в библиотечной помете на обресе той же книги (Кир.-Белоз. № 4/9)¹².

Среди греческих книг Кирилло-Белозерской библиотеки особый интерес представляет одна — маленькая и невзрачная, названная (по первой статье) в библиотечной записи «Селвестровская ω стѣи Троице; писмо греческое ω т Еунгелія» (Кир.-Белоз. № 36/41). Большую часть книги занимают выписки из евангелия на греческом языке, сделанные русскими буквами; в них «вкраплены» самые разнообразные русские и иноязычные тексты. К последним относятся отрывки молитв и отдельные фразы на латинском языке, написанные русскими буквами: «Доминус Езус Крѣстос фѣліюс веги, мизере ме ги», «Авѣ Маріе ихрастѣ плѣнна», «Доминус текум», «Доминус въбискум» (л. 12). Среди статей этого сборника, написанных по-русски, есть «Бгословіе о стѣи . . . Трѣи», выписки из византийской патристической и агиографической литературы, из библейских книг и хронографов, а также мел-

¹² В описи Кирилло-Белозерской библиотеки 1635 г. среди Псалтирей отмечена «книга в четверть греческая селивестровская ветха» (ГПБ, Кир.-Белоз. № 75/1314, л. 321 об.), что дало основание Е. Э. Гранстрем отнести к книгам Сильвестра пергаменную Псалтирь из собрания М. П. Погодина (Е. Э. Гранстрем. Чернец Малахия философ. «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 69—70). На ней есть запись скорописью, а не полууставом, как пишет Е. Э. Гранстрем: «Псалтирь селиверътовская греческая». Однако почерк этой записи не похож на почерки кирилловских библиотекарей, метивших сильвестровские книги. Да и трудно представить, что к Сильвестру могла попасть книга из нижегородского Благовещенского монастыря, где вполне мог оказаться его тезка. Самое же главное — в описи 1635 г. не отмечено, что эта Псалтирь «харатейная». Поэтому не так легко подозревать Сильвестра в присвоении этой книги с уничтожением записи ее прежнего владельца (такое предположение делает Е. Э. Гранстрем).

кие грамматические выписки, в том числе названия знаков препинания и надстрочных (л. 13). Разнообразный многоязычный лексический и грамматический материал этого сборника свидетельствует о широте филологических интересов его владельца.

Из русских четых книг библиотеки Сильвестра, после сборника XIV в., следует отметить Маргарит 1491 г. «государьского данья» (ГПБ, Кир.-Белоз. № 112/237) со следующей выходной записью писца: «Написана быст книга глемаа Маргарит с Вежицкые книги повелѣниемъ прѣщного архіеписпа великого Новагорода и Пскова влдоць Генадіа. А писал Іакѣш а прозвище емѸ пророк, а писал лѣта 99». Здесь же, на обороте последнего листа, есть еще одна запись: «Се из поп Арсеней Чюдовскои продал ес'ми книгѸ Маргарит попѸ СтеванѸ НикольскомѸ и рѣкѸ свою приписал 7021 (1513) лета». Если в этой книге указан ее прежний владелец и местонахождение оригинала (Вязецкий монастырь), то на одном патристическом сборнике XV—XVI вв. (он назван в помете на обрезе «Богослов» — ГПБ, Кир.-Белоз. № 53/178) — том самом, который Анфим прислал своему отцу в Кириллов монастырь, — есть сведения о происхождении некоторых входящих в него статей. Так, относительно русского текста Лествицы Иоанна Синайского из приписок на этом сборнике читатель узнает о ее переводе на русский язык в 1387 г. в константинопольском Студийском монастыре русским митрополитом Киприаном (л. 169 об.), о переписке этого перевода в 1524 г., начатом в Константинополе и законченном на Афоне (с указанием источника этих сведений: «Летописчикъ в богородицкой Лѣствици в съборной» — л. 13), и, наконец, ниже — об оригинале и писце этой книги: «Сіа Лѣствица писана съ троецкіе Лѣствици Кѹпріанова писма, а писал Ишаннъ Лѹкіановъ». Здесь же еще одна помета: «О лѣнвивы Евсевіе, непотрѣбный Ефремель»; в скопированной с оригинала выходной записи в другой «Селивестровской» Лествице (ГПБ, Кир.-Белоз. № 35/160) есть те же оба имени (мирское и монашеское), вероятно, одного и того же лица, называющего себя в других известных записях) то сербом, то «русином»¹³.

Читательские интересы Сильвестра не ограничивались

¹³ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 25, 32.

византийской патристикой и агиографией. Так, например, в сборнике конца XV в. проложного типа (ГПБ, Кир.-Белоз. № 44/1121) имеется Житие Климента — папы Римского с Похвалой ему «Климента, епископа Словенского» и отрывок Жития Дмитрия Прилуцкого¹⁴. Другой «Сборник селиверстовской» середины XVI в., попавший впоследствии в Софийскую библиотеку (ГПБ, Соф. № 1281) целиком состоит из произведений русской литературы и публицистики, он включает 16 Поучений митрополита Фотия, 13 Посланий митрополита Даниила и, наконец, сочинения самого Сильвестра (они примыкают непосредственно, без заголовка, к последнему Посланию Даниила). Среди сочинений Сильвестра находим Послания к Ивану Грозному и боярину А. Б. Горбатову, а также «Послание утешительное» к неизвестному лицу. Весь этот сборник, написанный одной рукой четким, «профессиональным» полууставом, несет на себе отчетливый след сознательного подбора материала¹⁵.

Наконец, среди книг Кирилло-Белозерской библиотеки, помеченных как «Сильвестровские», имеются три тома Минеи четых — Октябрьский, Мартовский и Июльский (ГПБ, Кир.-Белоз. № 14/1263, 13/1252, 36/1275).

Таковы в самом кратком их обзоре четыре книги библиотеки Сильвестра; почти каждая из них может стать предметом специального исследования историка русского языка и литературы.

Перечень богослужебных книг Кирилло-Белозерской библиотеки, помеченных как «Сильвестровские», следует

¹⁴ В конце этого сборника приплетена «Книга бытия небеси и земли и всякой твари» (первая книга Ветхого завета), размеченная на полях киноварью на паремийные чтения в различные праздники. Тем самым эта четья книга в какой-то степени выполняла роль богослужебной — случай довольно редкий в русской рукописной книжности с ее достаточно четким делением на богослужебную и четью книгу, между которыми располагаются «соборники» — книги для чтения вслух на трапезах и торжественных собраниях. Именно таким названием и обозначена в библиотечной помете эта книга: «Сборник селиверстовский».

В этом же «Сборнике» оказался вплетенным лист свитка — отрывок судного дела XV в. о покосе (на его обороте переписан конец одного из житий). Лист подклеен до размера остальных листов книги отрывками списков монастырских крестьян и ремесленников (в том числе из «городищ Андроникова монастыря»).

¹⁵ Сборник был подробно описан еще в 1848 г. Н. Коншиным (см.: Д. П. Голохвастов и архимандрит Леонид. Указ. соч., Приложения, стр. 64—88).

начать с книги, на которой есть запись (со ссылкой на «Ивана Михайловича»), что это — «Потребник благовещенской». На обороте этого листа сделано краткое оглавление: «А книге сей: 3 часа црских, постриженьа черницаз, понохида, погребална мирскои и чернцем, постриженьа шбоя чернеческое, вечернаа в пмдесатную неделю на преклонениа колону, масленик, священна воде». «Маслеником соборным» назван (по первой части) в библиотечной помете другой «Селивестровской» сборник, содержащий «Чин бываемый на освященіе маслѣ, еже в субботу великую съвершается», «навечерия» Рождества и Крещения, а также «Вслѣдование часов в стѣи и великѣи паток». Если первую из этих книг, основываясь на приведенной выше записи, можно считать взятой из московского Благовещенского собора, то вторая связана с Новгородом: в заглавии рождественского «навечерия» отмечено, что оно «по преданию поется» в «стѣишои и велицѣи цркви бжїа премдрсти» (ГПБ, Кир.-Белоз. № 519/776, л. 46). Так эти две книги отразили два периода деятельности Сильвестра — в соборных храмах Новгорода и Москвы ¹⁶.

По своему письму и художественному оформлению обе эти книги не представляют особого интереса, особенно первая, лишенная вообще какого-либо украшения. Вторая написана более четким полууставом, украшена разноцветной заставкой геометрического орнамента так называемого балканского стиля и заголовками, написанными вязью. Переплеты обеих книг также очень скромны: первый обтянут кожей без всяких украшений, второй — холстом.

Каллиграфическим почерком, блеском художественного оформления и отделкой переплета отличается изящная миниатюрная (в 1/16 листа) «Псалтирь селивестровская» (ГПБ, Кир.-Белоз. № 92/349). Она украшена красочными с золотом заставками и инициалом отличной работы, а также заголовками сложной вязи; тонкие дощечки переплета обтянуты сафьяном с тиснением. Эта книга резко выделяется среди остальных книг Сильвестра,

¹⁶ «Сильвестровскими» названы еще два богослужебных сборника Кирилло-Белозерской библиотеки (№ 521/778 и 518/775). Но они более поздние и принадлежали каким-то другим Сильвестрам. На первом из них помета «Священника Сильвестра», а во втором есть список настоятелей Кирилло-Белозерского монастыря, доведенный до начала XVII в.

оформленных обычно очень скромно: четьи книги почти все без заставок и по большей части переплетены «в за-тылок», т. е. в доски, обтянутые кожей только с корешка.

Художественное оформление принадлежавших Сильвестру книг, да и вообще вся их палеографическая характеристика имеет непосредственное отношение к его биографии и к истории его библиотеки. Из Домостроя известно, что в доме Сильвестра жило много «рабочих людей»; некоторые были обучены им «книжному рукоделию». Естественно предположить, что если не все, то многие книги библиотеки Сильвестра были написаны «домочадцами», жившими у него в Новгороде и в Москве.

Книги, пожертвованные Сильвестром в различные монастыри и оставшиеся после него в Кириллове, отличаются значительным разнообразием почерков, манер и стилей художественного оформления. Среди них в собр. ГПБ есть книги, оформленные и в новгородской художественной манере, например Толковая псалтирь (Солов. № 1039/1148) с изображением царя Давида, и в московской — Евангелие (Солов. № 130), но больше всего — в смешанной, эклектичной манере — Толковое евангелие (Солов. № 159), Сборник (Кир.-Белоз. № 53/178), Псалтирь (Кир.-Белоз. № 92/349 и др.).

Особо следует отметить книгу Козмы Индикоплова, которой Сильвестр, очевидно, дорожил: он пожертвовал ее в Соловецкий монастырь в конце жизни, после пострижения в монахи. Книга эта иллюстрирована иконографически близко к другим «Индикопловам», но в манере рисунка отразились некоторые черты народного, в том числе декоративного, искусства Новгорода. Уже на первой миниатюре не особенно искусно изображен добротнo сколоченный из брусьев семиконечный крест, а за ним — резное и расписное деревянное тябло с резным подзором внизу. Можно лишь догадаться (по аналогии с другими изображениями на этот сюжет), что эта деталь должна изображать стену иерусалимскую, хотя сверх тябла и нарисовано нечто вроде четырех маленьких башенок. Такое же тябло протянуто и поперек следующей миниатюры, изображающей автора книги; назначение этой детали здесь неясно. Резной подзорец нарисован в верхней части рамки изображения «вавилонского столпотворения» (л. 29 об.); здесь эта деталь имеет уже чисто декоративное значение. Столь же декоративно разрисовано «небо пре-

вышнее» и дерево с сидящими на нем птицами (л. 49 об.). Полюбившееся рисовальщикам резное тябло с подзорцем тянется вдоль стены монументальных архитектурных сооружений на миниатюре, изображающей царя Иезекию (л. 148). Архитектурные детали изображения этой книги явно навеяны монументальными новгородскими постройками: таков, например, одноглавый, со ступенчатыми закомарами храм, в котором изображены израильские пророки (л. 70), хотя шлемообразный его купол увенчан не крестом, а трехзубчатым флюгером. Наконец, среди музыкантов, окружающих царя Давида (сам он сидит на троне с гуслиями на коленях, а за ним — тот же самый резной брус), один играет на русском народном инструменте — гудке, а второй — на волынке. И наряду со всеми этими народными и провинциальными по своей манере изображениями в той же книге — две «аристократические» заставки на золотом фоне так называемого нововизантийского стиля ¹⁷.

Все сказанное о разнообразии письма и художественного оформления книг библиотеки Сильвестра позволяет заключить, что если и были у Сильвестра мастерские по изготовлению рукописных книг, то школы, определенных и самостоятельных художественных традиций в них не было. Поэтому вряд ли можно причислить Сильвестра «к зажиточным торгово-ремесленным кругам» и из факта организации им иконописных и книжных мастерских делать вывод о «дальновидности» Сильвестра, «понявшего, что в новых экономических условиях старые формы хозяйства уже себя не оправдывали» ¹⁸. Если бы он был таким передовым для своего времени предпринимателем, то уж, конечно, больше заботился бы о внешности выпускаемых книг, чтобы они были не хуже изделий других московских книгописных мастерских того времени, создававших настоящие шедевры книжного искусства.

¹⁷ Миниатюры роскошного экземпляра тома Козмы Индикоплова, принадлежавшего Сильвестру, а позднее боярину И. Г. Пушкину, очень близки, быть может, сделаны с тех же прорисей, что и иллюстрации списков той же книги, хранящиеся в ГБЛ (ф. 173, Собр. Московской духовной академии, № 102) и в ЦГАДА (ф. 201, Собр. Оболенского, № 159); издание факсимильное (изд. ОЛДП, т. 86. СПб., 1886). Однако миниатюры в книге Сильвестра отличаются в некоторых деталях и в раскраске — более скромной, чем в томе, принадлежавшем И. Г. Пушкину (там миниатюры сделаны на золоте), но более сочной, чем в экземпляре Оболенского.

¹⁸ А. А. З и м и н. Указ. соч., стр. 42—43.

Больше половины (17 из 25) рассмотренных в настоящей статье книг Сильвестра сохранилось в Кирилло-Белозерской библиотеке или перешло из нее в другие хранилища (преимущественно в Новгородско-Софийскую библиотеку). В казну этого же монастыря поступила и вся «рухлядь» Сильвестра¹⁹. Не говорят ли эти факты против версии о высылке Сильвестра в Соловецкий монастырь и его смерти там?

В Кирилло-Белозерской библиотеке сохранилась наиболее ценная часть собрания книг выдающегося политического деятеля XVI в., имевшего возможность приобретать редчайшие уже и в то время экземпляры. Среди книг библиотеки — пять «государского дания», т. е. подарков самого царя. Нетрудно предположить, что эти книги были взяты из кремлевского книгохранилища московских царей и являются остатками той самой библиотеки, безрезультатные поиски которой предпринимались неоднократно. Все это придает сохранившимся книгам из библиотеки Сильвестра, помимо их ценности для истории русского языка и литературы, значение важнейших памятников истории книги и библиотечного дела русского средневековья.

Предлагаемая статья не имела своей целью дать подробный палеографический и лингвистический анализ книг библиотеки Сильвестра; это дело специалистов и предмет специальных исследований. В статье приводятся лишь сведения о составе этой библиотеки, о происхождении и дальнейшей судьбе некоторых ее книг. Если она привлечет внимание и послужит поводом для более тщательного изучения хотя бы отдельных книг этой библиотеки, то цель ее автора будет достигнута.

¹⁹ В массивной (на 875 листах) Вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря записано: «По сщеникѣ ж Сильвестрѣ и по сынѣ его Анемѣ приказчики ихъ дали тритцат рѣблевъ, десѣть иконѣ в окладѣ пѣдниц, дватцѣть три золотники жемчюгѣ, шѣбѣ кѣню под камкою, сѣды мѣднымъ г инѣя рухлядь» (ГПБ, Кир.-Белоз. № 87/1325, л. 557 об.). Следующий за этой записью вклад помечен 7081 (1573) г., что дает основание несколько сузить хронологические рамки предполагаемой даты смерти Сильвестра: Голохвостов и Леонид предполагают ее между 1564 и 1577 гг. (указ. соч., стр. 48), а А. А. Зимин пишет: «... Сильвестр же был сослан в Соловки, где и умер (до 1578 г.)» (указ. соч., стр. 49).